

2. РЕКА СВОБОДА

В Кировске, скромном городке Могилевской области, но райцентре, не может не быть главной площади, на которой расположилась местная государственная власть с флагом на фронтоне, с конскими яблоками на асфальте, с портретом вождя в кабинетах, с доской передовиков и семечками на тротуаре, с аллеей героев в скверике.

«Иванов и меня там поставил», -- сообщил мне Старовойтов про аллею, недавно реконструированную. Это была неожиданная новость. Я заехал, чтобы посмотреть своими глазами.

Герои Кировского района в скверике стоят в два ряда. Василий Константинович Старовойтов -- первый в правом ряду. Под молодеватым портретом, высеченным на темной гранитной плите, выгравировано то, что люди уже начали забывать: дважды Герой Социалистического труда. Левый ряд возглавляет Орловский Кирилл Прокофьевич, на его пиджаке тоже две звезды Героя.

Если гранит не халтурный и если в Кировске не будет землетрясения, то плиты с советскими героями простоят сто лет. То есть вечно. Справедливо, символично, что плечом к плечу навеки встали два легендарных председателя знаменитого колхоза «Рассвет», возглавлявшие его поочередно: Орловский -- с 1944 по 1968 гг., Старовойтов -- с 1968 по 1997 гг.

Однако потомки не поймут современной логики, по которой первый ушел в историю в почете и славе, второго же государство посадило в железную клетку, для устрашения продемонстрировало народу, отправило на тюремные нары, а сейчас отбирает у него половину пенсии. Потомков редко интересуют нюансы и полутона истории, она воспринимается единой глыбой. Из нюансов состоит современность.

С 13 июня 2003 года Старовойтову пошел восьмидесятый годок! Посему вживе он не столь молодеватый, как в граните. Но -- подтянут, бодр, речист, напорист. Как двадцать два года назад, когда мы впервые встретились в «Рассвете»!

Его внимание по-молодому цепко сконцентрировано на теме разговора. Ни на миг не теряет нить беседы. Дословно помнит твои суждения, в любой момент может подтвердить их собственным аргументом или тонко поддеть, если с тобой не согласен.

Динамический портрет Старовойтова рисую специально для тех, кто распространяет подленькие слухи о его психическом нездоровье, якобы наступившем во время следствия и суда.

В разговоре Василий Константинович регулярно возвращается к больной теме — суду. Этот «пунктик» может раздражать, если ты не знаешь и не понимаешь, что он пережил.

Старовойтов не забывает, как на допросах молодой губастый следователь, вдвое моложе его, кричал с юридическим бешенством: «Я сгною тебя в

тюрьме!» -- «За что?!» -- спрашивал тогда Старовойтов. С недоумением, обидой, наивностью спрашивает и сейчас.

От мучительного вопроса его голубые, обесцвеченные солнцем и возрастом глаза, кажется, вот-вот станут слезами. Но мужские слезы давно закончились. Появилась типично старовойтовская уверенность в собственной правоте. Вслед за вопросом следует ответ: «Если проживу пару лет, буду реабилитирован. Я сделал правильно, когда раздробил колхоз. Не признаю даже тактических ошибок! Я ничего не украл. Никому ничего не должен».

Его вера заложена не только в нем. Веру укрепляет постстаровойтовская практика «Рассвета», о ней Старовойтов полностью в курсе, хотя и сидит дома. После его отхода от дел хозяйство шарахается то в одну сторону, то в другую. То от Старовойтова, то опять ... к нему. К нему! Вот симптом наших дней.

Хочу напомнить, что в начале девяностых Василий Старовойтов одним из первых в Беларуси преобразовал колхоз в акционерное общество. «Нет в колхозе такой силы, которая бы заставила человека хорошо работать!» -- так сформулировал он мне в интервью (1993) причину рассветовских трансформаций, выстраданных его многолетним колхозным опытом.

Интервью перепечатали многие газеты. Оно попало на глаза тогдашнему «президенту» -- председателю Верховного Совета Станиславу Шушкевичу, который чуть раньше обозвал колхозных председателей красными помещиками. Шушкевич с помощниками и журналистами примчался в «Рассвет», чтобы поддержать и распространить успешный опыт реформирования села. Меня тоже взяли в свиту. Одноразово.

Суть опыта состояла в том, что каждый колхозник-рассветовец получил заработанную индивидуальную долю из коллективной собственности. Зачем? Чтобы вместе с акцией и дивидендами к собственнику явилась более активная мотивация к труду, зависимость только от самого себя. Чтобы из человека испарилась советская инфантильность, а взамен нее вселился капиталистический индивидуализм.

По советской же традиции, независимый крестьянин вызывает раздражение авторитарной власти. Что классически подтвердилось, когда Шушкевича сменил настоящий президент.

На протяжении осени 1997-го и зимы 1998-го акционерное общество было образцово-показательно разгромлено, ликвидировано. Силовики и юристы безукоризненно исполнили пожелание Лукашенко, отданное на публике, перед телевизионными камерами. «Рассвет» вернули в прошлое, любимое новой властью, -- в колхоз.

Старовойтова посадили в тюрьму, обвинив в растрате общественных денег: угощение делегаций и проверяющих, кормление механизаторов во время уборки, бесплатный отпуск мяса и колбасы разным начальникам (в их числе оказался и министр Леонов).

В реанимированный колхоз привезли и посадили в председательское кресло некоего Иванова. Ему надлежало доказать, что колхоз --

жизнеспособен, эффективен, а также доставляет человеку трудолюбие, заработок, удовлетворение, счастье.

Да недолго колхозная музыка играла. В 2002 году колхоз «Рассвет» преобразовали в СПК — сельскохозяйственный производственный кооператив. Иванова пересадили в кресло председателя Кировского райисполкома. В СПК «Рассвет» в качестве начальника привезли некоего Шаплыко.

Встречаться с Ивановым мне не хотелось с момента его возникновения. После переворота, как правило, у власти появляется переходная фигура-марионетка и выполняет волю сил, выдвинувших ее. Затем революцию корректирует реальная жизнь, она выдвигает новые фигуры, которые уже способны выражать те или иные общественные тенденции. К Шаплыко я поехал посмотреть, в каком направлении дрейфует «Рассвет» сегодня.

Александру Владимировичу Шаплыко 32 года. Приятной внешности, высокий молодой человек, не обремененный вежливостью к журналисту. Воспринял меня настороженно, разговаривал с неохотой. Уверен, если бы я заранее позвонил и попросил его о встрече, как обычно поступаю, -- он бы уклонился, прикинулся больным... Потому я не звонил. Явился внезапно, без предупреждения. Куда парню было деваться, если я из приемной через секретаря послал ему визитку! И как не ответить на конкретные вопросы!

-- Кто же решил второй раз ликвидировать колхоз?

-- Государство, -- ответил Шаплыко.

-- А что такое СПК как форма и вид собственности?

-- Производственный коллектив частных.

-- Частников?! Вы вернулись к тому, что сотворил здесь Старовойтов? Зачем же ломали в 1997-ом?

-- Я не согласен со Старовойтовым. Коллективная собственность себя еще не изжила. Люди не готовы к самостоятельной работе. Поэтому мы не делили колхоз на пай. У нас единый фонд. Фактически -- колхоз. Он остался неделим.

-- Следовательно, поменялась только вывеска?

-- Да. Если начать делить колхоз опять, как делил Старовойтов, все переругаются.

-- Для чего понадобилось менять вывеску?

-- Банки перестали обслуживать колхозы. Сейчас в стране официально не существует коллективной собственности, есть только государственная и частная.

-- Какая судьба акций, полученных бывшими колхозниками при разделе «Рассвета» Старовойтовым в начале девяностых?

-- Эти акции гуляют между небом и землей. Мы отбросили их. Не учитываем. На хозяйстве висит огромный долг за энергоносители -- 3,6 миллиона долларов. Наша главная проблема!

-- Долг накоплен при Старовойтове?

-- Нет.

-- При Иванове?

-- Сложные вопросы задаете...

-- Значит, долг успели накопить вы? За полтора-то года?!

-- Не я...

-- Откуда же он взялся?

-- Сами знаете, откуда, -- сказал Шаплыко, загадочно улыбнувшись. Вроде и подмигнул. -- Не скажешь правды никому. Я скажу, а вы запишете...

-- Ладно, ничего не буду записывать. Смотрите, прячу блокнот и ручку.

-- Так вы же писатель, запомните от а до я.

-- Александр, позвольте, скажу вслух за вас. Невиданный долг накопился при Иванове. Отпуская ему бесплатно энергоносители, государство доказывало, что колхоз -- жизнеспособен? Кто же кого обманывает? Зачем?

-- Долг накоплен при Иванове, -- вздохнул Шаплыко, ответив, судя по всему, на самый страшный для себя вопрос. -- Текущие платежи за электричество и газ нам помогли оплатить, а долг я не подниму. Экономлю на всем. Стараюсь переломить людей, чтобы у них появилась заинтересованность к труду. Кто не хочет работать, я того не заставляю. Заставит экономика. Всё считаем. Механизаторы, животноводы, строители -- все считают, кто сколько потратил на производство. А потом плавно перейдем на хозрасчет между подразделениями хозяйства.

-- Так это же полный и безоговорочный возврат к тому, что десять лет назад внедрил здесь Старовойтов и за что его бесчеловечно растоптали! -- невольно воскликнул я.

-- Нельзя никому мешать! -- Неопределенно констатировал Шаплыко, то ли председатель сталинского колхоза, то ли начальник какого-то СПК, в сущности которого он еще не разобрался. Парень ускользал от дальнейших вопросов, сворачивал разговор.

После беседы с Шаплыко я остался в недоумении. Ну не понял я, кто он на самом деле, этот молодой человек: то ли искренний, то ли хитрый, то ли мудрый не по годам, то ли рано запуганный.

Попытаюсь раскусить его по моей проверенной методе -- в историческом разрезе.

Я знаю, с кем его можно сравнить, -- с родным дедом, покойным Кузьмой Ивановичем Шаплыко, многолетним председателем колхоза «Красная смена» Любанского района, Героем Социалистического труда.

Тот колхоз расположился на бывших болотах, осушенных в пятидесятых годах. Как правило, болото поначалу дает неплохие урожаи картофеля, сахарной свеклы, зерновых. Через десяток лет окультуренный торфяник срабатывается, на поверхность пересушенного поля выходит песок, превращается в пыль, поднимается в небеса.

После войны массовое осушение белорусских болот начали как раз в тех местах, где работал Шаплыко. Мелиорация преподносилась как наимудрейшая политика партии в неуклонном росте эффективности сельскохозяйственного производства и обеспечении народа продовольствием. В 1951 году за высокие урожаи Кузьма Шаплыко получил звезду Героя.

В 1979-ом к Шаплыко в колхоз я отправился вместе с доктором сельскохозяйственных наук, профессором Григорием Иосифовичем Лашкевичем, ныне покойным. Лашкевич много лет безрезультатно бился против безумной мелиорации в научной среде, я — в республиканской и союзной прессе. Мы поехали к Шаплыко за поддержкой. В его колхозе последствия широкомасштабного осушения проявились наиболее зримо. Авторитетный председатель мог на всю страну бросить клич: остановите губительную мелиорацию!

Втроем, Шаплыко, Лашкевич и я, мы провели вместе полдня. Обследовали спрямленную реку Орессу, узенькую, безводную, практически уничтоженную. Стояли на берегу пустых осушительных каналов, поросших лозой и осинкой. Отворачивались от пыли, гонимой ветром с белых торфяников, на которых в густой лебеде кое-где угадывалась картошка, а в шикарном осоте — бледная рожь...

Деградация земли, природы и хозяйства, вызванная «мелиорацией», была налицо. Удивительно и печально, Кузьма Шаплыко ее будто не замечал, не признавал. Ни в поле, ни в кабинете, под портретом Ленина. Выкручивался, как рыжий полесский вьюн, ссылался на неблагоприятную погоду, на плохие плуги. Подбивал нас вместе с мальчишками искупаться в Орессе, где воды по колено, и убедиться, что река не исчезла. Кстати, про Орессу в «Энциклапедыі прыроды Беларусі» (1983) сообщается, что она «утвараецца ад зліцця двух магістральных каналаў». Тупая бессовестная байка про известную реку, которая родилась в Беларуси за тысячу лет до появления советских канавокопателей.

Шаплыко-дед отказался подписать нашу совместную статью, где на конкретных фактах демонстрировались губительные последствия осушения болот. Он глубоко разочаровал и меня, и старого профессора Лашкевича. Настроение у нас было невеселое. В городе Любань заехали в ресторан, выпили водки, перекусили. «Ну, Кузьма! Ну, хитрец!» -- сокрушался профессор.

А Кузьма, помню, был колоритный — кучерявая шевелюра на нем горела ярко-рыжим цветом. На лице многоопытного, обласканного властью председателя блуждала, ничего не выражая, полуулыбка-полумудрость. Точь-в-точь, как сегодня, через четверть столетия, блуждает на лице внука Александра, сидящего в своем кабинете под портретом президента Лукашенко.

Не буду пользоваться обтекаемыми словами. Полумудрость, внушаемая властью, называется просто и понятно — страх. Дед Шаплыко был, несомненно, умелым хозяйственником. О том, как хозяйствует внук Шаплыко, я определил по грязно-серой, вялой кукурузе, еще не убранной во второй половине октября. Привезли же его в «Рассвет» из Дрибинского района, где молодой специалист четыре года поруководил совхозом «Заветы Ленина».

Заметно, что Александра преследует, унижает, угнетает досадный страх перед вышестоящим начальником, перед системой государственной власти. Александр, я видел, стыдится этого страха. Значит, понимает, что раболепствующий страх уничтожает в специалисте профессионализм, порождает путаницу в голове, боль в душе, неуверенность в себе, чувство неполноценности.

А может, страх -- более существенная черта белорусского менталитета, чем, допустим, смелость? Кузьма Шаплыко в годы войны партизанил, но его боевой смелости я не заметил во внуке. А вот страх человеческий явно проникает в генную память, переходит от поколения к поколению, из «развитого социализма» Шаплыко-деда в «рыночный социализм» Шаплыко-внука, из колхоза сталинского в колхоз, замаскированный под СПК.

Никогда я не видел на лице Старовойтова странной полуулыбки-полумудрости. Видел прямой взгляд, за которым следовали четкие суждения. Видел во гневе и в радости. На концерте -- в восторге, на банкете -- в подпитии.

Сегодня видел его грустным в холодном доме на окраине деревни Мышковичи, где Василий Константинович и Валентина Николаевна живут на полпенсии мужа и скромную зарплату жены, работницы детсада. Живут с восемью соток огорода, покупают мясное только раз в неделю.

Трижды Старовойтов подавал Иванову заявление с просьбой отменить грабительские вычеты из пенсии. Собрание уполномоченных колхоза трижды поддерживало «деда» (нынешнее прозвище Старовойтова), однако дальше дело стопорилось. К Шаплыко с просьбой «дед» пока не обращался: не хочет расстраиваться. Но скоро обратится!

Шаплыко через меня передал привет Старовойтову, что я и сделал с удовольствием.

-- Вы встречались? -- спросил я, принимая поручение.

-- Не получается, -- сказал Шаплыко.

Я искренне пожелал молодому руководителю удачи, подарил ему свою книгу «Рассвет» (1986), которую он, как выяснилось, не читал: маленьким тогда был. В автографе я попросил Шаплыко быть достойным великих предшественников Орловского и Старовойтова.

«Вы забыли про Иванова», -- молвил Шаплыко, прочитав автограф. Озабоченно молвил -- вот что интересно. Своим предшественником он считает временного, переходного Иванова. Жаль, коли так. В «Рассвете» раньше естественного срока наступил тот момент, когда современность становится бесполезной историей, когда прерывается связь поколений, теряется предшествующий опыт. Время здесь логически продолжается только в Старовойтове. А может, и еще в ком-то. Только он притаился, не высовывается.

За книгу и пожелания Шаплыко бросил мне дежурное «спасибо», в котором улавливались тоска, скепсис. Мне показалось, что Александр

Владимирович не совсем ясно видит свое будущее в «Рассвете». И одновременно -- планирует здесь строительство собственного дома. Сейчас он с женой и двумя детьми живут в колхозном санатории, построенном Старовойтовым и прекрасно оборудованном.

Над «Рассветом» Старовойтова не висел сумасшедший долг государству, как висит над «Рассветом» Шаплыко, вызывая у того ужас быть уволенным за негодное властям слово либо движение. Долг (кредит) -- это капкан, при помощи которого государство целиком подчиняет себе председателя.

Страх, как темная ночь, висит над всем «Рассветом» -- страх перед завтрашним днем. Хозяйство не в силах обеспечить полуколхозникам-полукооператорам нормальную жизнь, хотя урожайность зерновых в колхозе-СПК (41 центнер) и надой молока (5000 литров) держатся примерно на старовойтовском уровне. Старовойтов заложил прочный фундамент, его разрушить нелегко. Прискорбно, что на фундаменте «Рассвета» иррациональная власть лепит непонятную времянку, чем распутывает здравомыслящих людей.

Чтобы прокормить семью и выучить детей, молодые мужчины массово уезжают на заработки в Москву. Работают там на стройке, живут где придется, едят что попало, отбиваются от дома, превращаются в своих семьях и в своей деревне во временщиков. Об этом мне рассказывали женщины. Муж-отходник -- это острая женская боль. Но иных вариантов семейные пары на родной земле не находят.

При Старовойтове, наоборот, семейные пары со всего Советского Союза просились на работу в «Рассвет» (я читал многочисленные письма). А он все равно был недоволен, потому что видел глубинные, неизлечимые болезни колхозного устройства, думал о личном интересе каждого работника, великом индивидуальном интересе, приведшем западный мир к процветанию...

Глубокой осенью 1997 года в Беларуси совершилось глумление не только над человеком, Василием Константиновичем Старовойтовым, но и над самой жизнью. Это особенно понятно теперь, по прошествии шести лет, когда жизнь, как река, текущая только в одном направлении, в океан, вопреки иррационализму государства и страхам его начальствующих рабов, вновь притекла к мечте Старовойтова о свободе крестьянина.

Малые и средние реки в Беларуси осушили. Река Свобода -- не покорила!

2003